

УДК 821.16.1-992.09 (Грибоедов)

Минчик С.С.

**«КРЫМСКАЯ ОДИССЕЯ» А.С. ГРИБОЕДОВА В ИСТОРИИ
НАУЧНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Минчик С.С. «Крымская одиссея» А.С. Грибоедова в истории научно-критической мысли третьей четверти XX века

Известный русский поэт и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов посетил Крым в 1825 году. Как глубоко эту поездку была изучена в третьей четверти XX века и чем советские учёные объясняли природу этого путешествия? Предлагаемая работа и посвящена ответам на данные вопросы.

Ключевые слова: Гомолицкий, Дегтярёв, Живов, Калугин, Медведева, Нечкина

Минчик С.С. „Кримська одисея“ О.С. Грибоедова в історії науково-критичної думки третьої чверті XX століття
Відомий російський поет і дипломат Олександр Сергійович Грибоедов відвідав Крим у 1825 році. Як глибоко ця поїздка була вивчена в третій чверті XX століття та чим радянські вчені пояснювали природу цієї мандрівки? Пропонована роботи й присвячена відповідям на ці питання.

Ключові слова: Гомолицький, Дегтярьов, Живов, Калугін, Медведева, Нечкіна

Minchik S.S. «A Crimean Odissey» of A.S. Griboedoff in The History of Soviet Research Literature (The Third Quarter of XX Century)

The famous Russian poet and diplomat Alexander Sergeevich Griboedoff visited Crimea in 1825. How deeply was this voyage studied in the third quarter of XX century and how did the sovjet science explain the real nature of this trip? The present article deals with the answering exactly these questions.

Key words: Gomolickiy, Degtiariov, Zhivov, Kalugin, Medvedeva, Nechkina

Визит Александра Сергеевича Грибоедова на Юг в 1825 году как самостоятельная проблема стал изучаться в период становления советской науки во второй четверти XX века. Однако вклад первых исследователей данного вопроса в его решение, к сожалению, оказался не велик. *Цель* настоящей работы заключена в том, чтобы выяснить, насколько эффективным в этом плане был научный поиск следующего поколения советских авторов и какие позиции стали базовыми в их рассуждениях. *Задача* предлагаемого материала сведена к систематизации и освоению большинства известных на сегодняшний день советских работ третьей четверти XX столетия, прямо и опосредованно касающихся пребывания А.С. Грибоедова в Крыму. Результаты данного исследования представляют несомненную *актуальность* для дальнейшей разработки вопроса об историографии литературоведческой проблемы «А.С. Грибоедов и Украина». Их *суть*, а также постановка цели и задачи в настоящей работе составляют её новизну.

Самым значительным произведением советской литературы второй половины XX столетия, так или иначе связанной с изучением визита русского классика в Крым, следует считать фундаментальный труд «Грибоедов и декабристы» (второе издание которого вышло в свет как раз в 1951 году) - даже несмотря на то, что собственно поездка драматурга по полуострову не рассматривается в этой книге детально. Её автор считается крупнейшим специалистом по истории общественного и революционного движения России XIX века, поэтому неудивительно, что всю логику своих рассуждений М. Нечкина подчиняет одной проблеме - отношениям драматурга с организаторами и участниками событий 14 декабря на Сенатской площади.

Вот почему из числа тех лиц, с кем поэт виделся на полуострове, она называет только одно - декабриста Н. Оржицкого [14, с.471], о встрече с которым Александр Грибоедов действительно пишет в одном из своих писем [3, с.253], а во главу угла своих «крымских» наблюдений ставит невероятную *тоску*, которая охватила А.С. Грибоедова в пути. О своих тяжёлых переживаниях и крайне мрачном настроении поэт действительно писал двенадцатого сентября из Феодосии [3, с.251-252] - именно эти строки, помимо прочих, и цитирует М.В. Нечкина [14, с.467-468], связывая крымскую ипохондрию поэта с киевским этапом его поездки по Югу, предшествовавшим визиту Грибоедова в Крым.

Материалы следствия по делу декабристов действительно указывают на то, что в Киеве поэт неоднократно виделся с будущими мятежниками [19]. Однако автор книги убеждена, что эти встречи не были случайностью: группа радикально настроенных активистов «южного» общества заговорщиков, особо веривших в успех военного переворота уже летом-весной 1825 года, могла обратиться к Грибоедову с секретным заданием, от успеха которого мог зависеть исход всего восстания. Однако «Грибоедов, несогласный с практическим планом назревающей революции, <...> отказался выполнить революционное поручение и этим поставил себя вне надвигающихся революционных событий, крах которых предвидел, в результате всего этого им овладела тоска и он думал даже о самоубийстве» [14, с.469].

Несомненно, вопрос о причинах крымской ипохондрии великого классика требует отдельного и самого обстоятельного изучения, но даже поверхностный разбор его текстов даёт немало оснований для того, чтобы считать, по меньшей мере, такое заявление М.В. Нечкиной (а по большому счёту - и всю её позицию в целом) ошибочным. Так, в путевом дневнике поэта, который начинается с записи от двадцать четвёртого июня [3, с.155], а заканчивается заметкой от двенадцатого-тринадцатого июля [3, с. 169], нет даже намека на хоть какое-нибудь (пусть даже самое лёгкое) огорчение или грусть. Более того, в письме от девятого июля 1825 года, отправленном им же из Симферополя, автор бессмертной комедии восторженно и далеко *не тоскливо* пишет: «... Очень доволен моим путешествием, хотя природа против Кавказа всё представляет словно в сокращении <...>. Зато прелесть моря и иных долин ни с чем сравнить не можно» [3, с.247]. А это значит, что, как минимум, *до девятого июля* (как максимум - до тринадцатого числа этого же месяца) Александр Сергеевич Грибоедов, вероятнее всего, не был занят тяжёлыми раздумьями о крахе надвигающегося восстания и *не страдал* от угрызения совести за свой отказ от секретных предписаний заговорщиков.

Разумеется, можно допустить, будто Милица Васильевна Нечкина имела в виду несколько иные «сроки» этой ипохондрии, ведь в её словах, приведённых выше, нет утверждения, что Грибоедов «отказался выполнить революционное поручение» именно *до приезда в Крым*. Действительно, он мог иметь достаточно времени для того, чтоб всё взвесить, и сформулировать свой окончательный ответ «южанам» драматург тоже мог когда угодно - в период с тринадцатого июля по двенадцатое сентября *в том числе*. Однако эти предположения никак не вяжутся с общим ходом рассуждений академика. Так, в одном случае она ссылается на текст грибоедовского письма к В. Кюхельбеккеру от двадцать седьмого ноября 1825 года, в котором поэт, как ей кажется, явно озабочен своим достоинством «во мнении друзей и недругов» [3, с.254]. «Не задели ли южные декабристы вопроса о его *достоинстве* в бурных киевских разговорах? Не ощутил ли он возникновения какого-то нежелательного для себя *мнения о своём достоинстве* у друзей-декабристов» [14, с.470], - пишет автор книги. В другом же случае она обращает внимание на том, что Грибоедов, как явствует из его же показаний следствию, уехал из Киева, «не простясь» [19, с.284] с декабристами, что совершенно не типично для драматурга, который во всём был «светский человек, щепетильный в соблюдении приличий» [14, с.459]. А это значит, что М Нечкина твёрдо убеждена: *ещё во время киевских свиданий* А.С. Грибоедов выразил своё принципиальное несогласие с радикалами из Южного общества и в Крым *уже отправился* с тоской, а также с мыслями о самоубийстве, что, как видно, не соответствует *истинному настроению* его ранних писем и дневника.

В 1956 году в Ленинграде выходит сборник исторических очерков «Таврида», автор которого, напротив, не склонна увязывать крымский визит А.С. Грибоедова с предстоящей трагедией на Сенатской площади. Вот почему на его ипохондрию И.Н. Медведева вовсе не обращает никакого внимания, а всякое упоминания о декабристах в тексте её повествования отсутствует совершенно. «Целью Грибоедова было обозрение природы и памятников Тавриды» [12, с.420], пишет она и весь дальнейший ход собственных рассуждений по данной теме сводит исключительно к разбору тех его заметок и писем, где это «обозрение», на её взгляд, больше всего отразилось.

О том, с кем и при каких обстоятельствах поэт виделся на полуострове, Медведева также не говорит. По её словам, драматурга более всего «волновали русские корни в Тавриде, древние связи, исконное тяготение русского народа к берегам Черного моря» [12, с.426], в связи с чем вопрос о крымском окружении А. Грибоедова автор не считает существенным и, как следствие, не раскрывает в своей работе. Разбирая же дневник драматурга, который в данном очерке вопреки традиции называется «Путевыми впечатлениями» [12, с.422], Ирина Николаевна Медведева заключает, что Грибоедов «хотел видеть эту землю глазами историка и поэта» [12, с.422]. Но для чего русский классик *хотел* этого и что стало истинным мотивом его поездки на Юг, исследователь не поясняет.

В один год с выходом в свет названного выше сборника в Москве издаётся книга, в которой грибоедовский визит в Крым получает совершенно неожиданное освещение. Её автор - литературовед М.С. Живов, рассматривая проблему путешествия Адама Мицкевича по югу России в 1825 году, помимо прочего, детально изучает круг местных заговорщиков, с которыми ссыльный поэт даже под надзором не прекращал общение. В частности, он называет графа Густава Олизара, который проходил по делу декабристов после разгрома восстания и, несомненно, был «одним из поляков, установивших связь с деятелями русских тайных обществ» [8, с. 138]. Затрагивая проблему крымской поездки Александра Сергеевича Грибоедова, в дневнике которого есть *запись* об Олизаре [3, с.159], Живов первым из советских исследователей заявляет, что 29 июня 1825 года на даче графа Густава под Аю-Дагом состоялась конспиративная встреча русского драматурга с польским поэтом. Следующий после этого заявления ход авторских рассуждений в книге направлен на то, чтобы выяснить: «Что могло побудить Мицкевича совершить эту поездку в Крым и что побудило совершить её Грибоедова» [8, с. 139].

Обращаясь к тексту фундаментальной работы "Грибоедов и декабристы", литературовед Живов констатирует: «Ни у М.В. Нечкиной, ни в других исследованиях, посвященных Грибоедову, мы не находим конкретных указаний относительно цели его поездки в Крым» [8, с. 140] - и решает самостоятельно развязать эту задачу. По его словам, русский драматург ещё в Киеве получил прямое задание установить контакт с Мицкевичем, который, в свою очередь, мог выполнять ответственные поручения польских революционеров. Поэтому ещё до приезда в Крым Грибоедов уже планирует встречу с Генрихом Ржевуским (спутником А. Мицкевича и его идейным товарищем), о чём сказано в письме драматурга к В. Одоевскому от десятого июня 1825 года [3, с.246]. Более того, из текста другого его письма (уже к Г. Бегичеву от девятого сентября того же года) следует, что Александр Грибоедов «чуть было не попал в Одессу» [3, с.248], где в то время, как- пишет М. Живов, были не только Ржевуский и Мицкевич, но уже и Н. Оржицкий - друг Александра Сергеевича Грибоедова, который и мог предложить поэту встретиться со всеми участниками секретных переговоров не в «кишевшей шпионами Одессе» [8, с. 141], а под Аю-Дагом, на вилле Г. Олизара.

О том, что конспиративное свидание русского классика с представителями польских мятежников всё же состоялось, Марк Семёнович Живов не сомневается - этому, на его взгляд, есть целый ряд доказательств. Прежде всего, письмо драматурга к С. Бегичеву от девятого сентября 1825 года, в котором, помимо прочего, «загадочно» сообщалось: «О Чатырдаге и южном берегу после, со временем» [3, с.249], - а также упоминание Грибоедовым фамилии Оржицкого в письме к А. Бестужеву от двадцать второго ноября того же года [3, с.253].

Уязвимость этой аргументации кажется очевидной. Во-первых, намерение *Грибоедова* связаться с поляками едва ли можно иллюстрировать такой выдержкой из его письма к В. Одоевскому: «Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра; там хотя бы познаться с Ржевуским» [3, с.246]. - здесь совершенно очевидно стремление *друзей* Александра Сергеевича вовлечь его в их собственные замыслы, но каких-либо намерений самого драматурга в этих словах нет однозначно. Более того, вопрос об эволюции политических взглядов Генриха Ржевуского (а значит, и право считать его революционером) до сих пор представляется нерешённым - наоборот, есть немало оснований полагать, что в 20-х годах XIX века его убеждения могли быть как раз противоположными тем, которые исповедовали заговорщики [13, с. 136]. Во-вторых, маловероятно, что желание отсрочить разговор «о Чатырдаге и южном берегу» связано с конспиративными переговорами под Аю-Дагом. Наконец, встреча с Оржицким могла пройти и без участия польских «товарищей», а чуть было не состоявшийся визит поэта в Одессу вряд ли имеет какое-нибудь отношение к жившему там Мицкевичу. В любом случае, фактические источники, которые смогли бы опровергнуть все эти сомнения и доказать обратное, современной науке пока не известны, а значит, концепция, которую М. Живов изложил в своей книге, как минимум, далеко не бесспорна.

Однако в этом мало «винить» одно лишь Живова, поскольку в своём повествовании о предполагаемой встрече русского и польского классиков он апеллирует к логике совсем другого исследователя польского литератора Леона (Льва Николаевича) Гомолицкого, на фамилию которого не раз ссылается в тексте. Именно Гомолицкий и предположил первым, что ради встречи с Мицкевичем драматург решил посетить Крым, а встреча эта была конспиративной оттого, что оба поэта выполняли секретные поручения революционных комитетов России и Польши [20, с.79-81]. В свою очередь, аргументация, которую Марк Семёнович Живов приводит в подтверждение своих мыслей, также принадлежит Л. Гомолицкому и является неотъемлемой частью *его историко-литературной парадигмы*.

До сведения крымских исследователей эта гипотеза доходит не сразу. Только в 1965 году в Симферополе издаётся сборник литературно-краеведческих очерков о пребывании в Крыму выдающихся деятелей русской и украинской культуры - отдельная статья в этом издании посвящается «крымской одиссее» Александра Сергеевича Грибоедова. Её автор - член Союза писателей СССР П.А. Дегтярен - уверенно пишет, что А.С. Грибоедов «глубоко и последовательно разделял декабристскую идеологию» [II, с.26]. Вот почему в Симферополе «охотнее всего он посещал дом на правом берегу Салгира, принадлежавший опальному генералу декабристу М.Ф. Орлову» [11, с.28] - по этой же причине «поэт подолгу жил в Саблах» [11, с.33], которые «не без основания называют «крымским гнездом» декабристов» [11? с.33-34].

Однако часть авторских формулировок, прямо касающихся политических взглядов Грибоедова, всё же лишена категоричности. В частности, едва ли следует считать безапелляционным такое утверждение П. Дегтярёва: «Исследователи жизни и творчества обоих поэтов [Грибоедова и Мицкевича. - С.М.] предполагают, что между ними в Артеке на даче польского революционера Г. Олизара произошла дружеская встреча» [11, с.34]. Также неслучайной кажется следующая оговорка автора: «В августе 1825 года в Крым приехал из Одессы великий польский поэт Адам Мицкевич» [там же].

Вряд ли Дегтярёв мог не знать о том, что «исследователи жизни и творчества обоих поэтов» (речь, несомненно, идёт о Гомолицком и о сторонниках его научных идей) считают, будто крымская встреча Грибоедова и Мицкевича состоялась не в августе, а в *июне* 1825 года. Из авторского же текста следует, что польский поэт приехал в Крым именно в *августе* 1825 года, а значит, и встретиться с Грибоедовым в июне он никак не мог. Следует ли из этого, что П. Дегтярёв, в целом не возражая против самой возможности этой встречи и не вступая в открытую полемику с названными выше «исследователями», де-факто ставит под сомнение их версию? Сложно сказать. Однако в этой связи интересно то, как в дальнейшем Павел Андрианович Дегтярёв будет касаться этой проблемы. В статье за 1983 год он аккуратно напишет: «...Поездка Грибоедова по Южному берегу была использована, как предполагают, для конспиративной встречи писателя с представителями Польского патриотического общества» [4], а в публикациях за 1975 [6] и 1964 [5] годы вообще обойдёт стороной эту спорную тему.

Неясно другое: чьё мнение озвучивает П. Дегтярёв, утверждая, что в Крым А. Мицкевич приехал именно в августе (ссылка на какой-либо источник, позволяющая это понять, в рассматриваемой статье отсутствует). И, к сожалению, это далеко не единственная позиция в данном труде, которая выглядит весьма уязвимо. Так, СИ. Бегичева, которому поэт неоднократно писал из Крыма, исследователь называет «декабристом» [11, с.28], в то время как в действительности ни к подготовке, ни к проведению декабрьского мятежа на Сенатской площади этот человек, как показало следствие, не имел никакого отношения - за что и был оставлен «без внимания» [16, с.585] распоряжением царя. А разбирая крымский дневник великого классика, П. Дегтярёв (*первым* за всю историю советской научно-критической мысли) пишет, что многие его заметки, касающиеся русской старины, драматург выполнял «как для своих творческих замыслов, так и по просьбе своего друга декабриста П.А. Муханова» [11, с.33], апеллируя же к Дмитрию Завалишину, который, собственно, и ввёл в оборот это допущение [1, с. 173], в данной работе нет. Между тем, необходимость в подобной ссылке представляется очевидной, поскольку традиционно принято считать, что мемуары Завалишина, на текст которых опирается авторское утверждение о Муханове, «страдают совершенно извращённым, крайне легковесным истолкованием общей идеологии и политической программы декабризма, личностей ряда самых известных его деятелей» [2, с.227].

Сомнительным кажется и то, что Михаил Фёдорович Орлов, в *симферопольском доме которого* А. Грибоедов якобы *нередко* бывал (об этом, как уже было отмечено ранее, автор пишет вполне уверенно), вообще имел такой дом: современная наука не располагает конкретными сведениями на этот счёт, как не мог располагать ими и Павел Андрианович Дегтярёв. О том, что в Крыму поэт все же виделся с опальным генералом, действительно известно, причём из нескольких писем последнего к жене Екатерине [7, с.493], но где они виделись, источники не сообщают. Однако это не значит, будто идея о том, что, во-первых, у графа Орлова был симферопольский дом, а во-вторых, что Грибоедов охотно бывал в нём, принадлежит самому Дегтярёву. И вот почему: впервые (в связи с именем великого драматурга) она звучит уже в 1959 году в одном из номеров популярной крымской газеты [9], а через три года повторяется снова - в *художественной* повести о Мицкевиче и его пребывании на Юге [10]. Но ни в одном из упомянутых материалов природа этой версии не объясняется, в связи с чем логично предположить, что она, не имея прямого научного подтверждения, имеет *своего автора* - которым, вероятнее всего, и следует считать того, чьему «перу» принадлежат уже названные труды, а именно Юрия Ароновича Калугина. Почему же П. Дегтярёв принял во внимание его творческие домыслы, пока не ясно - в любом случае, приходится констатировать: природа рассматриваемого утверждения остаётся загадкой, а значит, оно вряд ли может считаться достойной опорой для каких-либо серьёзных выводов (даже если они формулируются в *литературно-краеведческой* работе).

Повествуя же о встрече Грибоедова с Орловым, Дегтярёв, помимо прочего, отмечает, что их общение «облегчило душевную драму поэта» [11, с.28], но саму ипохондрию Грибоедова объясняет так: «Тревожно чувствую движение времени, поэт болезненно переживал неустроенность тогдашней общественной жизни, видел зло, но не знал способов борьбы с ним» [11, с.35]. Таким образом, автор поддерживает мнение тех исследователей (в первую очередь, дореволюционных), которые связывали причины грибоедовской тоски с его мировоззрением и не считали её следствием лишь тех обстоятельств, которые сопутствовали визиту драматурга на Юг [15, с.LXI; 18, с.47].

Из остального ряда лиц, видевших А.С. Грибоедова, в статье называются также Н. Оржицкий, А. Муравьёв, П. Свиньин (*впервые* за всю историю советской грибоедовистики) и Н. Сушков, о встречах поэта с которыми действительно известно - как из их собственных воспоминаний [1, с.336-337; 1, с.338; 17], так и со слов великого классика [3, с.253].

Каковы же *общие результаты* данного исследования? Работа с научно-критической литературой советской эпохи позволила выделить четыре сочинения третьей четверти XX века, прямо и опосредованно касающихся пребывания А.С. Грибоедова на полуострове: монографию Нечкиной, объёмную книгу Живова, а также очерки Медведевой и Дегтярёва. Анализ этих работ указывает на то,

что отечественные авторы оказались чрезвычайно восприимчивыми к тем идеям, которые утверждали непрерывную связь крымского визита А.С. Грибоедова с подготовкой *декабрьского мятежа* на Сенатской площади. Версия же о том, что «крымская одиссея» великого *классика* могла не быть связанной с предстоящим заговором (и, вероятно, носила чисто познавательный, *творческий* характер), за два десятилетия звучит всего единожды (И. Медведева).

Академик М. Нечкина рассматривает это путешествие «вскользь», в контексте собственных размышлений о роли Грибоедова в планировавшемся заговоре, и, концентрируясь на решении данного вопроса, пропускает из виду целый ряд принципиальных деталей. М. Живов опирается на доводы польского литератора Гомолицкого (содержащие весьма небесспорные заявления в адрес этой поездки) и первым из советских авторов доносит их до русскоязычной аудитории. А П. Дегтярев, «увлечшись» связью поэта с декабристами, вообще апеллирует к ненаучным сведениям и смело включает их в ход собственного повествования, также допуская некоторые ошибки. Вместе с тем, именно в его материале освещение данной поездки приобретает максимальную *полноту*. Это происходит потому, что во всех остальных произведениях данное событие описывается *нецелостно*: наблюдения Нечкиной касаются исключительно крымской ипохондрии А.С. Грибоедова, Медведева видит в пребывании драматурга на Юге лишь творческий акт, а Живов - секретную миссию декабристов.

Источники и литература

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Пол ред. Н.Пиксанова. - М.: Федерация, 1929. - 344с.
2. А.С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь /Под редакцией В.И. Коровина. - М: Просвещение, 1999. - 776с.
3. Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах /Под общ. ред. М.П. Еремина. - М. -: Издательство «Правда», 1971. - Т.2. - 368с.
4. Дегтярёв П. Грибоедов в Крыму. Малоизвестные страницы из жизни великого писателя // Крымская Правда. - 1983. -№18. -22 января. - С. 3.
5. Дегтярёв П. Крымский дневник А.С. Грибоедова // Курортная газета. - 1964. - № 112. - 7 июня. - С.3.
6. Дегтярёв П. Три месяца в Крыму // Крымская правда. - 1975.-№16. - 19 января. - С.4.
7. Декабристы-литераторы / АН СССР; Глав. ред. В. Виноградов. - М.: Из-во АН СССР, 1956. - [Ч.]2, кн. 1. - 674с. - (Литературное наследство; т.60, кн. 1).
8. Живов М.С. Адам Мицкевич: Жизнь и творчество. - М.: Гослитиздат, 1956. - 592с.
9. Калугин Ю. Грибоедов в Крыму // Крымская правда. - 1959. -№32. - 11 февраля. - С.4.
10. Калугин Ю. «Он между нами жил...». - Симферополь: Крымиздат, 1962. - 280с.
11. Крымский дневник Грибоедова // П. Дегтярёв, Р. Вуль. У литературной карты Крыма. - Симферополь: Издательство «Крым», 1965.-С.26-35.
12. Медведева И. Таврида. Исторические очерки и рассказы. - Л.: Лениздат, 1956. - 443с.
13. Минчик С.С. Крымская встреча Грибоедова и Мицкевича: была ли она? // Дни Адама Мицкевича в Крыму. Крымско-польский сборник научных статей / Гл. ред. В.П. Казарин. - Т. 1. - Симферополь: Универсум, 2004. - С. 135-140.
14. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. - изд. 2-е. - М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. - 624с.
15. Пиксанов Н.К. А.С. Грибоедов. Биографический очерк // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: [В 3 т.] / Под ред. Н. Пиксанова. - Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Акад. наук. - Т. 1. - 1911. -С. I-CXLVII).
16. Русский биографический словарь. Т. «Бетанкур - Бякстер». - СПб. 1908. - 696с.
17. Свиньин Н.И. Знакомства и встречи на Южном берегу Тавриды // Отечественные записки. - 1825. -Кн.66. - Ч. 24. - С. 130-131.
18. Скабичевский М.А. А.С. Грибоедов. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. - СПб. 1893.-88с.
19. Следственное дело А.С. Грибоедова // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. - М.: Худож. лит. 1980. - С. 272-287.
20. Gomolicki L. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824-1829. - Warszawa: Książka i Wiedza. 1949. -377s.

Поступила в редакцию 25.06.2007 г.